

Большой зал Риверрана волей-неволей был самой большой комнатой в замке. При полной загрузке почти четыреста человек могли присоединиться к Лорду Риверрана за вином и мясом. Хостер Талли надеялся, что его нынешняя толпа гостей сделает именно это, ведь они собрались по счастливому случаю, совместной свадьбе дочери Хостера Кейтилин с Брэндоном Старком, старшим сыном и наследником лорда Рикарда Винтерфелла, и дочери лорда Рикарда Лианна — Роберту Баратеону, лорду Штормового Предела. Со всего северного и восточного Вестероса прибыли гости, целая треть пэров королевства со свитой, чтобы стать свидетелями социально-политического события десятилетия; возможно, затмеваемый по масштабу великим турниром в Харренхолле, но гораздо более значимый,

Но троих мужчин охватило безумие, и поэтому все тщательно продуманные планы рухнули. Вместо того, чтобы устроить свадебный банкет, Хостер обнаружил, что председательствует на следующем лучшем заседании Великого Совета.

В настоящее время обсуждается вопрос о том, станет ли он военным советом.

«Наш курс свободен!» — провозгласил Джон Амбер, его борода топорщилась. «Мы должны поднять наши знамена и сражаться! Сегодня!»

— Ты поднимешь меч против своего короля? — крикнул в ответ лорд Дэрри, выпучив глаза. — У тебя нет чести?!

Великий Джон сплюнул на пол. — Это для Безумного Эйриса! — зарычал он в лицо Дэрри. «И для вас тоже, если вы слишком трусливы, чтобы сражаться на нашей стороне против тирании!»

Лорд Корбрей воспользовался шумихой, возникшей после того, как Дэрри физически удержали от нападения на северянина, чтобы вмешаться. «Наши северные кузены справедливо говорят, что мы не можем оставить такое грубое оскорбление без ответа», — сказал он успокаивающе. «Но мы также не должны забывать о нашем долге перед нашим королем. Вина за это дело лежит не на нем, а на его сыне. Пошлем снова в Королевскую Гавань просить королевской справедливости. . ». он был заглушен хором возгласов, над которым гремел зычный голос Роберта Баратеона.

«Мы послали в Королевскую Гавань за справедливостью!» — проревел молодой повелитель бурь, указывая на высокий стол. — И в ответ на нашу просьбу он призывает моего доброго отца к ответу за свои действия, как какой-нибудь обыкновенный уголовник! Мы люди или рабы, чтобы с нами так обращались?!

Хостер перевел взгляд с криков собравшихся лордов на двух других сидевших за высоким столом. Джон Аррен наклонился вперед в своем кресле, упершись локтями в стол, и окинул взглядом зал задумчивого взгляда поверх скрещенных пальцев. Рикард Старк читал и перечитывал послание, пришедшее из Королевской Гавани, доставленное вороном в то самое утро, его суровое лицо было застывшим, как камень.

Многие люди считали Хранителя Севера трудным для чтения человеком, но Хостер Талли знал его давным-давно; Гнев Рикарда стал холодным, а не горячим. Тот факт, что он ничего не сказал после того, как зачитал послание вслух собранию, предвещал недоброе.

Хостер снова обратил внимание на пол холла, где говорил лорд Мутон. — Мы знаем, что оправданы в своем гневе, милорды, но многие другие не увидят этого, — сказал он, величественно указывая на стены. «А что насчет лордов Королевских земель, которые владеют сейсином короля? Что насчет Мартеллов, чей племянник второй в очереди на трон? Что насчет лорда Ланнистера, который снова жаждет королевской благосклонности? А что насчет Мейса

Тирелла, который мало знает наших северных кузенов и меньше всего заботится о них? Какие армии и флоты могут собрать эти люди? Если мы объявим против короля, не будут ли они . . . Его прервал внезапный треск, заставивший весь зал вздрогнуть и бросить взгляд на высокий стол, где Рикард Старк опустил раскрытую ладонь на поверхность стола.

"Иметь. Готово, — сказал Старк, его голос был таким же абсолютным, как захлопнувшаяся дверь подземелья. «Я смертельно устал от этих споров. Сейчас я буду говорить, а вы будете слушать». Хостер подумал, что Мутон продемонстрировал потрясающее самообладание, уступив слово Рикарду с грациозным поклоном вместо того, чтобы просто рухнуть на свое место. Рикард стоял зловеще в своем темном кожаном камзоле и черной накидке с меховой подкладкой, все еще сжимая в руке послание.

— Двести лет назад и даже больше, — мрачно сказал он, — мой предок Торрен преклонил колени перед Эйгоном Завоевателем и отдал свою корону. Когда он это сделал, он вложил свои руки между руками Завоевателя и произнес могучую клятву, клятву, которую с тех пор помнят в моем роду. «Эйгону из дома Таргариенов и его наследникам я клянусь в вере Винтерфелла и Севера. Очаг, сердце и урожай мы отдаем тебе, наш король. Наши мечи, копья и стрелы в вашем распоряжении. Даруй милосердие нашим слабым, помощь нашим беспомощным и справедливость всем, и мы никогда не подведем тебя. Мы клянемся землей и водой, бронзой и железом, льдом и огнем». И когда Торрхен поклялся, Эйгон тоже поклялся, связав его и его наследников после него, что он не забудет нашу клятву и не упустит вознаградить то, что было дано; верность с любовью, доблесть с честью, нарушение присяги с мезтью. Любой, кто причинил вред нам, причинил вред ему, и на свой страх и риск. В этом он поклялся кровью своего Дома и огнем их драконов, что первый прольется, а второй потухнет, если он не сдержит свою клятву». По комнате закивали; каждый присутствующий мужчина был хорошо знаком с тем, что влечет за собой клятва верности. — Двести с лишним лет, — продолжал Рикард, — мы сдержали нашу клятву. Мы отдавали наши налоги и наши советы в мирное время, а наши мечи и наши жизни - в войне. Мы сохранили верность наследникам Завоевателя даже в самую глубокую зиму». По комнате закивали; каждый присутствующий мужчина был хорошо знаком с тем, что влечет за собой клятва верности. — Двести с лишним лет, — продолжал Рикард, — мы сдержали нашу клятву. Мы отдавали наши налоги и наши советы в мирное время, а наши мечи и наши жизни - в войне. Мы сохранили верность наследникам Завоевателя даже в самую глубокую зиму». По комнате закивали; каждый присутствующий мужчина был хорошо знаком с тем, что влечет за собой клятва верности. — Двести с лишним лет, — продолжал Рикард, — мы сдержали нашу клятву. Мы отдавали наши налоги и наши советы в мирное время, а наши мечи и наши жизни - в войне. Мы сохранили верность наследникам Завоевателя даже в самую глубокую зиму».

Голос Рикарда стал грубым, пронизанным гневом. — И как наша верность была вознаграждена? — спросил он риторически. «Наши присяжные люди попали в засаду и были убиты. Мою дочь похитили накануне ее свадьбы. Мой сын томится в черной камере, ложно обвиненный в измене». Он остановился, чтобы судорожно вздохнуть; Хостер учился риторике у лучших, но не мог уловить ни намека на фальшь в очевидных эмоциях северянина. «Я не позволю себе думать о муках, которые они могут терпеть даже сейчас».

Гнев Рикарда теперь был в его глазах, твердый, как камень. «Я написал королю, рассказывая ему о вреде, нанесенном моему дому, и смиренно просил, чтобы мне была дарована справедливость, как клялся Завоеватель. И в ответ на мою просьбу, — его голос повысился до медвежьего рыка, когда он размахивал посланием, — я вызван в Королевскую Гавань, чтобы ответить на обвинение в государственной измене!

Весь зал затаил дыхание, когда Рикард опустил руку. — Двести с лишним лет верной и честной

службы, — пророкотал он, — ответили убийствами, похищениями людей и подлой клеветой. Это невыносимо». Его взгляд окинул зал. — Эйрис Таргариен вызвал меня в Королевскую Гавань, — сказал он ужасно спокойным голосом, — И в Королевскую Гавань я пойду. Но я не собираюсь отвечать на это ложное обвинение в измене. Я иду в Королевскую Гавань, чтобы потребовать справедливости, которую мне причитается, и если мне будет отказано, я приму ее».

Молчание длилось невыносимо долго после речи Рикарда, пока Джон Аррен не встал. — Все, что говорит милорд Старк, правда, — твердо сказал он. «Люди, оказавшие законную услугу, не могут оставаться в стороне, когда их верность вознаграждается грубыми увечьями и смертельными оскорблениями». Его глаза, старые и покрытые морщинами, но все еще такие же зоркие, как у сокола на его гербе, осматривали зал. «Все мы служили дому Таргариенов с тех пор, как Завоеватель был коронован. Но драконы Дома Таргариенов мертвы, и то, что от них осталось, — всего лишь змеи, выродившиеся отпрыски убывающей линии, забывшие не только свою честь, но и разум. Вы все хорошо знаете рассказы о безумии Эйриса, и вы также хорошо знаете безумие, которому поддался Рейegar. Он сделал паузу, по-прежнему оглядывая собравшихся лордов. — Король, который обижает свой народ, — не король, — мягко сказал он. «Клянусь всеми богами, милорды, как долго мы будем терпеть этих безумцев, терзающих нас? Я, например, не потерплю этого ни минуты». Он повернулся к Рикарду. «Я поеду с вами в Королевскую Гавань, — заявил он, — и мы получим ответ от Эйриса Безумного за это оскорбление».

Роберт Баратеон встал. — Я тоже иду, — сказал он ровно. — А после того, как мы договоримся с Эйрисом, я найду свою Лианну, где бы этот ублюдок Рейegar ни спрятал ее. А если похититель возражает, — он выхватил меч и высоко поднял его, его глаза сверкали яростью, — то да помилуют его боги, а я не хочу!

Хостер тоже встал, глаза его вассалов устремились на него. — Негоже, чтобы такая тирания оставалась без ответа, — прорычал он, позволив себе, наконец, ощутить ярость, которую он сдерживал последние две недели. «Я увижу справедливость за этот бандитизм, если мне придется сломать руки Эйриса, чтобы получить от него это».

Джон Амбер издал громоподобный хохот, выходя вперед. — Оставьте немного для остальных, милорды, — сказал он притворно-упрекающим тоном, его глаза-бусинки мерцали. — Твоя ссора с драконами — и наша тоже. Громадный северянин обнажил свой меч и протянул его в приветствии. «Правосудие и месть!» — взревел он.

Все лорды в зале поднялись на ноги, и обнажённые мечи в косых лучах предвечернего солнца, проникающего в окна, были подобны внезапному пламени. «Правосудие и месть!» они хором. «Правосудие и месть! СПРАВЕДЛИВОСТЬ И МЕСТЬ!»